

СТРАТЕГИИ ПРЕПЯТСТВИЯ ОПРАВДАНИЮ В РАЙОННЫХ СУДАХ ПРИСЯЖНЫХ: РЕФОРМА ПРИСЯЖНЫХ В РОССИИ ЧЕРЕЗ СОЦИОЛОГИЮ ЛУМАНА

Константин Скоблик

Константин Скоблик, адвокатское бюро Красноярского края «Хорошев и партнеры». Адрес для переписки: пр-т им. газеты «Красноярский Рабочий», 187, кв. 18, Красноярск, 660093, Россия. skoblik.konstantin@gmail.com.

Модель контроля над преступностью (crime control model) складывалась в России не одно десятилетие. Этот отлаженный механизм или, говоря метафорически, конвейер (assembly line), успешно справлялся со своими задачами, выдавая на-гора 99,8% обвинительных приговоров. Такая ситуация продолжалась до 2018 года – того момента, пока с целью легитимизации уголовного правосудия суд присяжных не был расширен до районного уровня. За первые годы реформы количество оправдательных приговоров в судах присяжных составило 25,7% в 2018 году и 24,6% в 2019 году. Это более чем в сто раз выше по сравнению с привычными 0,2%. В этих условиях функционирование судов равных не легитимизирует, а дестабилизирует уголовный процесс современной России.

В статье дается предварительный ответ на вопрос о том, какие стратегии и тактики используются в уголовном правосудии для стабилизации системы и повышения шансов принятия присяжными обвинительного вердикта. Среди них можно выделить повторяющиеся стратегии: стратегия манипулирования коммуникацией; рекурсия процесса; акселерация процесса; стратегия самообучения системы. Встретившиеся в исследовании единожды: использование потерпевших для оказания эмоционального воздействия на присяжных (по просьбе обвинения потерпевшая задавала недопустимые в суде присяжных вопросы и выступала в прениях); помощь со стороны суда обвинению в представлении доказательств присяжным (советы по организации более ясной демонстрации фотографий, предложения по допросу потерпевшего по определенным обстоятельствам).

Исследование построено на основе социологического подхода Никласа Лумана, позволившего осмыслить российскую модель контроля над преступностью как аутопойетическую (самовоспроизводимую) систему, конституруемую операцией «осуждение». Суд присяжных выступает структурным сопряжением между уголовно-процессуальной и политической системами. Являясь структурным сопряжением, этот вид суда создает раздражения и нарушения в системе контроля над преступностью, становясь стимулом для ее эволюции. В работе также высказывается идея о дополнении теории Лумана понятием «скорость аутопойесиса». Исследование основано на наблюдении за шестью судебными процессами и рабочими группами юристов защиты.

Ключевые слова: модель контроля над преступностью (crime control model); реформа присяжных в России; суд присяжных на районном уровне; аутопойесис; система уголовного правосудия; оправдательный приговор; стратегии ответов системы

ВВЕДЕНИЕ

В настоящий момент коллегии присяжных, функционирующие в районных судах, представляют собой новое для российского уголовного процесса явление.

Начавшаяся в 2018 году реформа, расширив суд присяжных до районного уровня, стала причиной нарушений в работе нынешней системы уголовного правосудия. Главным раздражителем выступает большое количество оправдательных приговоров, демонстрируемых судами равных с этого года.

По официальным заявлениям Председателя Верховного суда (ВС) РФ Вячеслава Лебедева, с 1 июня 2018 по февраль 2019 года «районными судами с участием присяжных рассмотрено 91 уголовное дело в отношении 103 лиц. Из них осуждено 72%, оправдано 29 лиц, или 28%»¹. За 2019 год присяжными на этом уровне рассмотрено уже 474 дела в отношении 585 лиц. Осуждены 428 человек (73%), оправданы – 153 (26%)², дела прекращены в отношении 4 лиц (1%).

Само по себе появление подобного количества оправдательных приговоров за сравнительно короткий промежуток аномально для российского уголовного процесса, функционирующего в рамках модели контроля над преступностью (*crime control model*)³ и сохраняющего (Панелях, Титаев и Шклярчук 2018) поэтому общий процент оправданий на уровне 0,2–0,3% (Судебный департамент... 2019, 2020). Наблюдаемый рост оправданий подрывает работу российской уголовно-процессуальной системы. Такая оценка влияния оправдательных приговоров – или, иначе, «бракованных товаров» (*defective goods*) – на правосудие в России стала уже аксиоматичной (Paneyakh 2016; Solomon 1987).

Таким образом, настоящая статья концентрируется на проблеме эволюции системы контроля над преступностью в России в ходе ее ответов на раздражения и нарушения, создаваемые судами присяжных на районном уровне. То, что наше внимание сосредоточено именно на этом уровне, объясняется не только сравни-

¹ Доклад Лебедева на совещании-семинаре судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации, 12 февраля 2019 г., https://www.vsrfr.ru/press_center/video_archive/27607/.

² Доклад Лебедева на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации, 11 февраля 2020 г., https://www.supcourt.ru/press_center/video_archive/28761/.

³ Перевод термина «*crime control model*» как «модели контроля над преступностью» является устоявшейся традицией в российской процессуальной литературе (Головкин 2017; Стойко 2006). На первый взгляд, это словосочетание больше связано с криминологическими вопросами, нежели с функционированием уголовного процесса. Вместе с тем анализируемая модель не криминологическая, а именно процессуальная, рассматривающая уголовное правосудие в качестве «конвейера» (*assembly line*) по производству уголовных дел. Об этом говорит как содержание работы Герберта Пакера (Packer 1964), предложившего эту модель и обсуждающего сугубо процессуальные вопросы (устройство стадий уголовного процесса, меры пресечения, право на адвоката и т. д.), так и антиподная ей *due process model* (модель надлежащей правовой процедуры), название которой напрямую отсылает к процессу. В целом проблема в том, что Пакер подобрал для своей модели термин, при переводе на русский действительно вводящий в заблуждение и требующий оговорки, поскольку в российской юридической науке, в отличие от западной, пока что существует строгое деление на криминологию и уголовный процесс.

тельно малой степенью изученности текущей реформы присяжных (она лишь недавно стала предметом интереса социологов)⁴, но и тем, что присяжные в районных судах рассматривают большее количество дел и чаще оправдывают, чем в судах субъектов РФ. Согласно сведениям, опубликованным Институтом проблем правоприменения ЕУСПб, уровень оправдания присяжными в районных судах составил в 2019 году 24,6%, в судах субъектов РФ – 17%. При этом в 2019 году с участием присяжных заседателей на районном уровне рассмотрено 504 дела, на уровне субъектов – 255 дел (Ходжаева 2020).

Для того чтобы проследить упомянутую выше эволюцию, необходимо понять: 1) какие раздражения создает суд присяжных на районном уровне в системе контроля над преступностью, действуя как структурное сопряжение между ней и политической системой; 2) каким образом система отвечает на эти раздражения; 3) какие сюжеты коммуникации возникают в системе контроля над преступностью в связи с появляющимися раздражениями и ответами на них.

Проведенное исследование показывает, что дисбаланс в системе, воспроизводящей себя через обвинение и осуждение, создается повышенной вероятностью оправдательного вердикта.

На начальном этапе реформы расширение судов присяжных до районного уровня преследовало в качестве одной из целей повышение уровня доверия общества к суду⁵, то есть легитимизацию существующей системы контроля над преступностью⁶. Однако эта инициатива привела к системному противоречию: понижению уровня обвинения и повышению – оправдания. Чтобы разрешить этот парадокс и снизить шанс принятия коллегией присяжных оправдательного вердикта, система задействует различные стратегии. Они развернуто изложены ниже в разделе «Результаты».

Второй обнаруженный источник раздражений заключается в особых правилах коммуникации, по которым, в отличие от всех других производств, действует суд присяжных в России. Правила эти новы для районных судов и содержат набор различных запретов и ограничений (комментирование или оценка доказательств до прений сторон; обсуждение юридических вопросов в пределах слышимости присяжных; исследование фактов, способных вызвать предубеждение присяжных; оказание чрезмерного эмоционального воздействия на присяжных и т. п.).

⁴ Детальный анализ первой волны возрождения института присяжных в судах субъектов РФ (1995–2007 годы) содержится, например, в работах американского исследователя Стивена Тамана (Thaman 1995, 2007a, 2007b).

⁵ В первом абзаце пояснительной записки к законопроекту «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» указано: «Законопроект направлен на расширение применения института присяжных заседателей в целях дальнейшего развития и укрепления демократических основ уголовного судопроизводства, повышения открытости правосудия и доверия общества к суду» (Государственная дума РФ 2016).

⁶ О том, что необходимость в легитимизации российской судебной системы имела, свидетельствуют данные Евробарометра, говорящие о снижении с конца 2015 года доверия россиян к государственным институтам (РАНХиГС 2017).

Фактически перед системой стоят две задачи: 1) научиться функционировать по заданным правилам; 2) сделать это так, чтобы не разрушить собственный *аутопойесис* (самовоспроизводство).

В ходе исследования встретились различные стратегии ответов системы на указанные раздражения. В статье подробно разбираются не все, а только повторяющиеся, которые можно было наблюдать чаще, чем в одном судебном процессе стратегии:

- прекращения нежелательной и создания желательной коммуникации (манипулирование коммуникацией);
- возврата к судебному следствию после представления доказательств сторонней защиты (стратегия рекурсии процесса);
- «акселерации процесса»;
- «самообучения» системы.

Реализуя эти стратегии, система эволюционирует, то есть создает и отбирает эффективные средства для стабилизации и поддержания своего аутопойесиса.

СУД ПРИСЯЖНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОНТЕКСТ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Общеизвестно, что с приходом власти Советов институт присяжных, созданный реформой 1864 года, перестал существовать в России более чем на семьдесят лет. Его возрождение стало возможно только в перестроечное время. Первые инициативы воплотились, например, в принятии Съездом народных депутатов СССР постановления от 9 июня 1989 года «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР», где создание суда присяжных рассматривалось в качестве средства обеспечения независимой и авторитетной судебной системы. Более осязаемую форму реформирование приобрело в постсоветское время с принятием концепции судебной реформы и дополнением УПК РСФСР в 1993 году разделом X «Производство в суде присяжных». С этого момента коллегии присяжных постепенно стали появляться в судах субъектов РФ.

До реформы 2018 года суды с участием присяжных могли рассматривать дела, касающиеся убийств при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ), организации преступного сообщества, участия в нем (ч. 4 ст. 210 УК РФ), производства, сбыта, пересылки наркотических средств (ч. 5 ст. 228.1 УК РФ) и их контрабанды (ч. 4 ст. 229.1 УК РФ), а также ряд менее распространенных составов⁷.

На районном уровне присяжные заседатели с 1 июня 2018 года стали рассматривать дела, связанные с обычным и квалифицированным убийством (ст. 105 УК

⁷ Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), диверсия (ч. 3 ст. 281 УК РФ), геноцид (ст. 357 УК РФ). В дополнение к указанному коллегии присяжных заседателей областных судов и равных им судов на настоящий момент рассматривают дела о похищении человека (ч. 3 ст. 126 УК РФ), бандитизме (ст. 209 УК РФ), пиратстве (ст. 227 УК РФ) и ряд преступлений против мира и безопасности человечества (например, экоцид, наемничество).

РФ), причинением тяжкого вреда здоровью, повлекшим по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), а также более редкие преступления, предусмотренные ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, ч. 4 ст. 229.1 УК РФ, ст. 277 УК РФ, ст. 295 УК РФ, ст. 317 УК РФ, ст. 357 УК РФ. При этом действует правило, согласно которому перечисленные преступления подсудны районным судам в том случае, если за них в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь (п. 2.1, ч. 2. ст. 30 УПК РФ). В противном случае они рассматриваются судами присяжных на уровне субъекта РФ.

Кроме сказанного, новации привели к уменьшению числа присяжных, слушающих конкретное дело. В областных судах и равных им судах коллегии сейчас состоят из восьми присяжных (было двенадцать), в районных судах – из шести. Разработчики законопроекта полагают, что сокращение количества присяжных упростит процедуру их отбора, снизит сроки судебного разбирательства, расходы на вызов кандидатов в присяжные заседатели и материальное обеспечение присяжных, участвующих в судопроизводстве (Государственная дума РФ 2016).

В дополнение к уже реализованным изменениям высказываются инициативы по дальнейшему расширению перечня преступлений, подсудных судам присяжных⁸; вносятся законопроекты, направленные на повышение объективности формируемой коллегии заседателей. Так, например, 23 июня 2020 года в первом чтении был принят законопроект, обязывающий полицию сообщать госорганам и органам местного самоуправления, формирующим списки присяжных, о судимости потенциального присяжного и о наличии у такого лица статуса подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления (Государственная дума РФ 2020). Можно сказать, что реформирование российской судебной системы продолжается.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

По сравнению с другими работами по вопросам института присяжных, эмпирические и нормативные (связанные с построением идеальной системы суда присяжных) исследования наиболее распространены в научной среде. Основная интрига для исследователей состоит в том, как присяжные принимают решения (Bornstein and Greene 2011; Sherrod 2019; Weisberg 2005), но немногие обращаются к анализу того, как суды присяжных меняют уголовно-процессуальную систему, действующую на момент их внедрения, расширения, ограничения или же ликвидации.

Подобные вопросы – фактически «слепая зона» для науки. Это обусловлено тем, что если такого рода исследования и предпринимаются, то носят они спорадический характер. Связано это не только с тем, что ученые поглощены «расколдовыванием» совещательного процесса заседателей, но и с тем, что классические юрисдикции, имеющие институт присяжных, появились не вчера, а эволюционировали в течение сотен лет (например, в США и Англии). У исследователей просто не было возможностей точно изучить влияние появления суда присяжных на уголовно-процессуальную систему в момент проведения реформы, а если и были,

⁸ Доклад Лебедева на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации, 11 февраля 2020 г., www.supcourt.ru/press_center/video_archive/28761/.

то использовались они с целью анализа последствий реформ для политической системы: легитимация уголовного правосудия, повышение процента электоральной явки, восстановление социальной стабильности и т. п. (Corey and Hans 2010; Duff and Findlay 1997; Goldbach and Hans 2014; Smith 1994; Tezuka 2017).

Сужает поле для исследования взаимозависимостей между реформированием суда присяжных и состоянием уголовно-процессуальной системой также и то, что недавние изменения в юрисдикциях других странах, например, в Финляндии и Японии, необязательно приводили к появлению именно суда присяжных, но заканчивались внедрением другой формы участия граждан – смешанными трибуналами (*mixed tribunals*) (Corey and Hans 2010; Tezuka 2017), предполагающими вынесение юридического решения в результате совместного совещания народных заседателей (*lay judges*) и профессиональных судей (Ivković 2015).

В этом плане российский кейс необычен и позволяет понять, как расширение компетенции именно суда присяжных влияет на уголовно-процессуальную систему, заставляя ее эволюционировать. Понятие эволюции, используемое в настоящей работе, основано не столько на идее, предполагающей определенную «логику развития», движение от одной стадии к другой для достижения конечной цели, сколько на механизмах развития. В ходе эволюции уже созданная система продолжает «наращивать» себя согласно определенным правилам и законам. Она рекомбинирует удачные программы и исключает неуспешные (Teubner [1988] 1993). Фокус, таким образом, смещается с направления развития на его программы, а эволюция становится историей про то, как «механизмы проб и ошибок, ответственные за изменение, отбор и стабилизацию, взаимодействуют» (Teubner [1988] 1993:49), применительно к уголовно-процессуальной системе – про то, как она стабилизирует себя.

Для исследовательских вопросов, позволяющих проследить средства, реализуемые системой для стабилизации, важны следующие теоретические концепции. Первая предполагает, что уголовный процесс в современной России работает в рамках модели контроля над преступностью, которая оценивает его эффективность по количеству и скорости вынесения обвинительных приговоров, произведенных за определенный период (Packer 1968). Несмотря на то, что эта модель возникла как результат рефлексии Герберта Пакера о проблемах американского уголовного процесса, за полувековую историю она стала классической и вненациональной: используется для анализа как процесса США, так и российского (Головко 2017; Стойко 2006; Terrill 2016), английского, французского, японского, китайского, иранского, турецкого процессов (Terrill 2016:15).

Модель контроля над преступностью рассматривает правосудие в качестве «заводского конвейера» (*assembly line*) по производству уголовных дел. Пакер, характеризуя ее, пишет, что уголовный процесс – конвейер, перемещающий бесконечный поток дел, никогда не останавливающийся, он доставляет дела «рабочим», стоящим на определенных станциях и выполняющим над каждым проходящим делом одинаково малую, но необходимую операцию, которая продвигает дело на один шаг ближе к законченному продукту или, заменяя метафору на реальность, к закрытию (Packer 1968). Система функционирует в целях осуждения

обвиняемого, что обусловлено базовой ценностью модели: эффективностью процесса в подавлении преступности.

Модель основана на идее, согласно которой подавление отклоняющегося поведения – самая важная функция, реализуемая посредством уголовного процесса (Packer 1964). Преступное поведение должно пребывать под жестким контролем (tight control) для того, чтобы сохранить общественный порядок (public order). Важнейший интерес – эффективность. Для того чтобы успешно функционировать, системе необходимо показывать высокий уровень задержания и осуждения, поэтому она должна придать «высшее значение скорости и завершенности» (Griffiths 1970:363). Система исходит из презумпции вины (presumption of guilt), предполагающей, что как только в отношении лица появляется возможность выдвинуть предположение о виновности и ввести его в уголовный процесс, все остальные действия с ним будут основаны уже на этой вероятной виновности (Packer 1964).

Хорошо описывая существующий российский процесс⁹, эта теория, однако, имеет критичные для целей настоящего исследования ограничения. Пакеровская концепция не рассматривает вопросы изменения системы под влиянием различных воздействий, а поэтому только ее теоретического ресурса недостаточно для изучения эволюции уголовно-процессуальной системы, стимулируемой расширением суда присяжных.

Напротив, в работах Никласа Лумана ([1997] 2004, [2002] 2007; см. также: Филиппов 2003) инструмент для анализа механизмов развития системы имеется, и он представлен понятийным рядом: аутопойесис “осуждение” – структурное сопряжение – раздражение системы – резонансная способность системы – коммуникация¹⁰.

По Луману, российскую уголовно-процессуальную систему можно описать как подсистему права, конституируемую операцией «осуждение» и реализующую *бинарный код* «легальное/нелегальное». Понятие кода критично для лумановских построений. Если целостность не имеет бинарности, она не может называться системой. Реализация уголовным процессом подобного кода означает, что он в принципе может быть рассмотрен как система (Teubner [1988] 1993). «Под кодом понимается различие между двумя противоположными значениями, подобно истине/ложь для научной системы и легальное/нелегальное для правовой системы. Код определяет единство и уникальность социальной подсистемы» (Baxter 2013).

⁹ О том, что он функционирует в рамках указанной модели, свидетельствует приведенная во введении статистика, отражающая перевес обвинительных приговоров над оправдательными, а также выводы, полученные Институтом проблем правоприменения (Масловская 2012; Панеях и др. 2018).

¹⁰ В качестве альтернатив лумановской рамке рассматривались также идеи Мэри Дуглас ([1986] 2012) и теоретиков рационального выбора (Бьюкенен и Таллок [1962] 1997). Однако они не подошли, поскольку не позволяли проследить, каким образом эволюционирует уголовно-процессуальная система как единый действующий субъект в противоположность разрозненным агентам уголовного правосудия (Vogler [2005] 2006). Их работы были сосредоточены больше на анализе индивидуальных событий и поведения конкретных акторов, чем на объяснениях структур.

Система контроля над преступностью от окружающего мира выделяется на основе указанного кода. По сути, окружающий мир каждой системы состоит из других систем. Для подсистемы контроля преступности окружающий мир будет включать, например, политику, экономику, науку, религию со своими уникальными кодами. Поэтому система контроля над преступностью через код «легальное/нелегальное» отделяется (дифференцируется) не просто от окружающего мира, а от других систем.

Помимо кода, она конституируется также операцией «осуждение», к которой подсоединяются другие такие операции, образуя явление операционной замкнутости (гиперцикл): «осуждение» возникает из «осуждения» и продолжается «осуждением». Это означает, что уголовно-процессуальная система в рамках модели контроля над преступностью – аутопойетическое, то есть самовоспроизводимое, образование. Поддержание гиперцикла осуществляется при помощи различных взаимосвязанных функциональных структур: например, возбуждение уголовного дела, следствие/дознание, задержание, меры пресечения, надзор, судебный контроль, обвинение, защита, суд. Защита рассматривается системой в качестве своей структуры только в той части, в которой это способствует системным операциям, связанным с осуждением, и валидирует их (например, формальное участие защитника в допросе обвиняемого, склонение адвокатом подзащитного к признанию вины). При этом вопрос о наличии/отсутствии в системе обвинительного уклона не рассматривается, поскольку есть сомнения относительно объяснительного потенциала этого понятия в принципе. За прошедшие годы областью распространения термина «обвинительный уклон» стало преимущественно публицистическое пространство, а не научное. Определенность содержания этого выражения уменьшилась, а эффективные критерии для оценки степени влияния уклона на российскую уголовно-процессуальную систему не выработались (Поздняков 2012).

Отдельное место в системе занимают так называемые рефлексивные инстанции: суд субъекта РФ, Верховный суд РФ, прокуратура субъекта РФ, Генеральная прокуратура РФ. Указанные единицы являются наблюдателями системы, которые, будучи ее частью, обладают большей рефлексивной способностью, чем система в целом. Эти инстанции осуществляют самонаблюдение и задают стандарты хорошей работы для всей системы (Луман [2002] 2007). Критерии такой работы каждая система формирует сама. В советской юстиции качество работы оценивалось в том числе на основе наличия/отсутствия оправдательных приговоров. По мнению Питера Соломона, именно подобная система оценки определила способы работы правоприменителей в СССР (Solomon 1987).

В современной России, не отличаясь кардинальным образом от советского варианта, рефлексивные юниты оценивают надежность системы на основе модифицированного варианта метафоры равновесия, то есть система равновесна через сохранение неравновесия в соотношении обвинительных и оправдательных приговоров: когда процент обвинительных (output) значительно превышает процент оправдательных (в настоящий момент это 60% в особом порядке, 39,7% в общем vs. 0,3% оправданий) (Судебный департамент... 2020).

В свою очередь начало действия судов присяжных на районном уровне по особым правилам коммуникации, отличным от обычного порядка, и последующее увеличение количества оправдательных приговоров приводит к нарушениям в работе системы, потому что ставит под сомнение ее эффективность, оцениваемую по количеству устоявшихся и неотмененных осуждений.

Суд присяжных выступает здесь специфичным вариантом, допускающим только бинарный исход «оправдание/осуждение», в то время как обычный порядок может закончиться примирением сторон, назначением судебного штрафа, деятельным раскаянием и т. д.¹¹. Для целей настоящей статьи нет необходимости отдельно рассматривать обвинительный вердикт с указанием на то, что подсудимый заслуживает снисхождения, поскольку это решение влияет только на размер наказания, но не на сам факт наличия/отсутствия осуждения. Обвинительный приговор, вынесенный на основании такого вердикта, остается обвинительным – что, собственно, и важно для системы.

В целом через работу присяжных происходит интервенция окружающего мира в сложившуюся систему контроля над преступностью и эволюция последней. Переходя на лумановский язык: суд присяжных выступает здесь структурным сопряжением (*structural coupling*) между политической системой, находящейся в окружающем мире, и уголовно-процессуальной. Предложенное понимание суда присяжных как структурного сопряжения является новым для науки¹² и предполагает, что этот институт не переносится из политической системы в уголовно-процессуальную, а создается как резонанс последней на необходимость решения с ее помощью различных политических задач, от выполнения взятых Россией внешнеполитических обязательств (как это происходило в перестроечное время) до легитимизации действующей уголовно-процессуальной системы¹³. При этом последняя задача, решаемая за счет суда присяжных, не нова. О ней актуальным и для российской реформы присяжных образом высказались в 1997 году Питер Дафф и Марк Финдли (*Duff and Findlay 1997*):

Вкратце: неважно то, что присяжные делают на практике; важно то, что достигается в области идеологии. Продвигая выборную идеологию, присяжные помогают затушевать реальность системы уголовного правосудия, которая включает в основном рутинную обработку большого количества сделок о признании вины через нижестоящие суды. В сущности, поэтому присяжные выступают по большей части флагманским кораблем или экспонатом для си-

¹¹ В литературе, однако, существует позиция, согласно которой перечисленные и другие «промежуточные варианты» являются, в сущности, квазиоправданиями (Панеях и др. 2012), поскольку в них «прошито» признание обвиняемого виновным.

¹² Исследуя феномен судов присяжных и используя разработки Лумана, Елена Масловская (2012) также говорит об особенно сильном воздействии политической системы на правовую. Однако концептуализация суда присяжных как структурного сопряжения ею не проводится.

¹³ Развивая политическое объяснение перформативности судебного процесса, Екатерина Моисеева также полагает, что институт присяжных «повышает доверие к судам и легитимирует государство в качестве главного регулятора социальных конфликтов и гаранта социального порядка» (2018:32).

стемы уголовного правосудия, которая может лишь только иногда нуждаться в чарах, налагаемых идеологией присяжных. Совершенно очевидно, что присяжные – или, точнее, общераспространенный образ присяжных – вносят большой вклад в процесс легитимизации уголовного правосудия.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для определения эволюционных изменений в системе контроля над преступностью был выбран метод наблюдения за судебными заседаниями с участием присяжных и, в случае если адвокаты соглашались на присутствие исследователя, – за работой группы юристов защиты¹⁴ вне здания суда (их рефлексия прошедших заседаний, обсуждение тактик и подготовка к будущим заседаниям). Наблюдая за коммуникацией в группах юристов, исследователь вел дневник, а также аудиозапись, получив на это разрешение от адвокатов.

Наблюдения велись не только за самими процессами, но и за обстановкой в здании суда до и после их окончания, а также включали свободные беседы с участниками заседаний (судьи, представители прокуратуры, адвокаты). Сфокусированность исследования на судебном производстве объясняется тем, что раздражения, создаваемые в системе судами присяжных, и ответы на них в первую очередь локализуются на этой стадии, а не на предварительном расследовании.

С целью обнаружения стратегий ответов и конкретных тактик, составляющих их, каждый наблюдаемый судебный процесс был представлен как набор сюжетов коммуникации с тем или иным итогом (СК+СК...+СК = обвинительный или оправдательный приговор). Сюжетам коммуникации, возникшим в рамках конкретных стратегий, были присвоены свои темы. Так, сюжеты, ассоциирующиеся со стратегией манипулирования коммуникацией, касались снятия вопросов, прерывания речи участника процесса, объявления замечания или предупреждения участнику процесса и др. В некоторых случаях сюжет коммуникации содержал несколько тем. Например, снятие вопроса и прерывание речи. В других – только одну (снятие вопроса). Теоретический ход в виде использования понятия «сюжет коммуникации» позволил обнаруживать стратегии, выделять их составные части, определять время начала и окончания действия конкретной стратегии и ограничивать применение одной от другой. Постановка коммуникации в центр исследовательской оптики продиктована еще и тем, что для Лумана именно операция коммуникации конституирует социальные системы.

Полевая работа велась в одном регионе. Осуществлено наблюдение за шестью судебными процессами в 2019–2020 годах (пять в районных судах и один в суде субъекта РФ). Поскольку, несмотря на проводимую реформу, дела с участием

¹⁴ Эти группы образовались по двум наблюдаемым делам. Одна состояла из двух адвокатов, консультанта по работе с присяжными и двух помощников адвоката. Непосредственно в судебных заседаниях участвовали адвокаты. Вторая группа включала трех адвокатов и консультанта по работе с присяжными. В судебных заседаниях также участвовали только адвокаты. Члены всех групп были юристами. В процессах с присяжными участвовали впервые.

присяжных по-прежнему редки для российского правосудия, автор наблюдал все судебные процессы, о которых становилось известно в период исследования. Наблюдалась заседания, проходившие не только в региональной столице (два процесса), но и в городах, поселках субъекта РФ (четыре процесса). Поэтому сбор эмпирических данных включил полевые выезды.

Доступ на судебные заседания осуществлялся при содействии адвокатов, участвующих в делах (три процесса), прокуроров (один процесс) и судей (два процесса). В противном случае присутствие на судебных процессах оказалось бы затруднительным из-за формирующейся тенденции со стороны государственных органов, направленной на сокрытие информации о месте и времени начала процесса с присяжными. В ходе полевых наблюдений автор вел дневник, а также аудиозапись судебных процессов, не получая (из-за открытости заседаний) на это предварительного согласия от суда. Используемые в статье примеры диалогов между участниками процессов являются транскриптами этих аудиозаписей. К моменту написания статьи из пяти районных процессов по двум вынесены обвинительные вердикты¹⁵; один дошел до этапа вынесения вердикта¹⁶; по двум идет исследование доказательств¹⁷. По процессу в суде субъекта РФ также вынесен

¹⁵ В первом деле обвинялся мужчина в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. е, ж, ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 2 ст. 167 УК РФ. Он, подозревая потерпевшего в причастности к поджогу автомобиля супруги и испытывая к нему в связи с этим неприязнь, договорился с соучастником убить потерпевшего, выстрелив в него. На принятие обвинительного вердикта присяжным потребовалось более двух часов. Во втором деле обвиняемому мужчине вменялось совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ: после употребления спиртных напитков и ссоры с сожительницей он нанес ей удары, в результате которых спустя некоторое время наступила смерть женщины. В деле не было свидетелей-очевидцев, поэтому обвинение настаивало на своей версии, доказывая прежде всего наличие у подсудимого возможности совершить преступление. Защита пыталась доказать, что не только подсудимый, но и иное лицо могло совершить преступление. Коллегии присяжных потребовалось менее часа, чтобы признать подсудимого виновным.

¹⁶ Здесь мужчина обвинялся в убийстве (ч. 1 ст. 105 УК РФ): в том, что он, находясь в состоянии алкогольного опьянения, нанес потерпевшему твердым тупым предметом и ножом множественные телесные повреждения (в область головы, шеи, правого и левого плеча, грудной клетки, в область левой ягодицы), от которых последний скончался. Это дело ранее уже рассматривалось судом присяжных, который постановил оправдательный приговор. Однако вышестоящая инстанция отменила его по процессуальным основаниям и вернула дело для повторного рассмотрения судом присяжных.

¹⁷ В этих делах подсудимыми также являются мужчины. В одном деле двух граждан обвиняют по ч. 4 ст. 111 УК РФ. По версии следствия, они в ходе внезапно возникшего конфликта в ночное время забили до смерти потерпевшего. Сами обвиняемые отрицают свою причастность, утверждая, что их не было на месте происшествия. Защита указывает, что в основе обвинения лежат лишь показания двух свидетелей, которые крайне противоречивы. В другом деле подсудимому вменяется совершение преступлений, предусмотренных п. в ч. 4 ст. 162 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ. Он, находясь на праздновании Дня города, избил мужчину, чтобы забрать его гармонь. Одной из особенностей дела является тот факт, что между временем совершения преступления и датой начала судебного разбирательства прошло более семи лет.

обвинительный вердикт¹⁸. Прекращение наблюдения по некоторым из процессов связано с началом пандемии COVID-19.

Суммарное время наблюдения за процессами – 135 часов 30 минут (45 заседаний). Из них 26 часов 20 минут – наблюдение за рабочими группами защиты¹⁹.

Вместе с тем есть ряд ограничений исследования, которые необходимо обозначить:

1) среди наблюдаемых процессов не было такого, который бы закончился оправдательным вердиктом, в то время как, возможно, оправдания предшествовали другим сюжетам коммуникации, другая интенсивность и успешность манипуляций;

2) на данный момент в фокусе статьи находятся суд и обвинение; отдельного описания заслуживают стратегии и тактики, используемые защитой для создания препятствий в воспроизводстве операции «осуждение», а также то, каким образом распространяется опыт работы с присяжными среди адвокатского сообщества;

3) в статье отдельно выделяется наблюдение за рабочими группами защиты; это объясняется особой чувствительностью поля и, как следствие, осложненным доступом в него. У исследователя было больше возможностей получать необходимую информацию от адвокатов, чем от представителей государственных органов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Вывод, что суды присяжных в России образованы и уголовно-процессуальной, и политической системами и являются потому структурной сопряженностью, объясняет их функционирование по особым (в отличие от обычного порядка судопроизводства) правилам коммуникации.

Наблюдения показали, что эти правила не позволяют полноценно использовать юридическую коммуникацию при присяжных. В заседаниях разворачивалось по сути два вида коммуникации: «для присяжных» и «от присяжных». Проиллюстрировать это деление можно следующим обращением судьи, сделанным в начале судебного заседания:

Также я участникам процесса еще раз напомню особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей. К полномочиям присяжных

¹⁸ Подсудимый обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 222 УК РФ и ч. 3 ст. 33, п. 3 ч. 2 ст. 105 УК РФ. Прокурор поддерживал в суде версию, согласно которой мужчина являлся организатором убийства бывшего милиционера, убийство произошло в 2004 году. По мнению же защиты, доказательств для обвинения было недостаточно, поскольку в деле фактически имелись только показания осужденного ранее киллера, который спустя 14 лет неожиданно решил назвать имя заказчика. При этом проверить его слова о том, что подсудимый однажды лично с ним встретился 14 лет назад, невозможно. Присяжные по этому делу совещались менее часа.

¹⁹ Исследователи отмечают, что «концепция рабочих групп применима к российскому контексту и является хорошим аналитическим инструментом для изучения российских судов» (Моисеева 2014:87).

заседателей относится установление, разрешение вопросов: доказано ли, что имело место деяние, в отношении которого обвиняется подсудимый, доказано ли, что деяние совершили подсудимые, и виновны ли они в совершении этого преступления. В случае признания подсудимого виновным, присяжные заседатели указывают, заслуживает ли подсудимый снисхождения. Иные вопросы, неназванные, разрешаются без участия присяжных заседателей. Сторонам в ходе судебного следствия с участием присяжных заседателей запрещается исследовать данные, способные вызвать предубеждение у присяжных заседателей, обсуждать вопросы, связанные с применением права, и вопросы процессуального характера, в том числе недопустимости доказательства, нарушения УПК при получении доказательства, истребовании, о вызове дополнительных свидетелей, об оказанном или якобы оказанном давлении во время предварительного следствия [...].

Однако в ходе исследования были выявлены расхождения между ограничениями и запретами, действующими в разных процессах. В одном из заседаний, переходя к этапу прений, судья разъяснил сторонам:

Вы в прениях не вправе [...] ссылаться на криминологическую ситуацию в стране, приводить данные статистики, какие-либо примеры из судебной практики, мнение общественности, по данному делу либо по аналогичным делам, сведения, отраженные в СМИ, и тому подобную информацию. Равно вам запрещено для наглядности демонстрировать какие-либо схемы, планы, протоколы осмотра места происшествия, вещественных доказательств, поскольку это может оказать воздействие на коллегия присяжных заседателей. Я как председательствующий вправе прервать такое выступление стороны.

В другом же деле обвинитель, не будучи прерванным, использовал в прениях схематическое изображение человеческой головы и приводил статистические данные:

Я полагаю необходимым уделить внимание еще и тому вопросу, а могла ли Д., находясь в тот вечер в состоянии достаточного алкогольного опьянения, падать сама, и ударяться, и причинить себе сама, без чьей-либо третьей, посторонней, помощи вот эту закрытую черепно-мозговую травму. Уважаемые присяжные заседатели, для ответа на этот вопрос я бы хотела вам предоставить схематическое изображение головы человека с делением его на зоны. Заштриховала я те области, которые были согласно заключению судебно-медицинской экспертизы отмечены, то есть те, которые образовали закрытую черепно-мозговую травму. Это лоб, виски и темечко [...]. То, что я скажу далее, я прошу не принимать на свой счет мужской части коллегии присяжных заседателей, но статистика такова, что в российских семьях совершается около 40% тяжких преступлений. Жертвами женщины становятся в 93%. Из них на почве ревности – в 80%, однако в полицию обращается из них всего около 40%. То есть большая часть женщин умалчивает о своем горе до тех пор, пока не окажется убитыми...

Защитник же по этому делу, не получив предупреждение от судьи, сослался на исторический факт:

Когда-то в своих трудах одна очень замечательная женщина, которая была императрицей нашей страны, Екатерина II, говорила о том, что лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невиновного. Это правильно, это к вопросу справедливости и можно ли на таких доказательствах, по сути, на их отсутствии... Можно ли, руководствуясь только предположениями, какими-то домыслами, личными мотивами, личными обидами, говорить о том, что человек виновен.

Еще одно отличие в действиях правил процесса прослеживается через реакцию суда на нарушение запретов. В одном из кейсов суд прерывал выступающего защитника непосредственно в ходе произнесения речи:

Защитник: А. и В. договорились. По мнению государственного обвинителя, это следует из того, что они действовали совместно и согласованно. Само по себе предположение не лишено смысла, но есть одна маленькая проблема: согласованность действий отнюдь не означает, что лица, совершившие эти действия, заранее о чем-то договорились. Вы же не будете всерьез верить тому, что муравьи строят свой муравейник в составе группы лиц.

Судья: Секунду. Д., извините, что прерываю, конечно. Давайте без аналогий и аллегорий про муравьев, муравейники, какие-то общеизвестные факты...

Защитник: [...] При всем уважении потерпевший А. не производил в судебном заседании, лично на меня, впечатление очень глубоко потрясенного этой историей человека. Он просто улыбался. Свидетель А. Да, безусловно, это свидетель обвинения, который что-то сообщал. Но тоже, скажем так, с позиции эмоционального восприятия, очень неприятный молодой человек.

Судья: Защитник, на секундочку, пожалуйста, высказывания по поводу личностей свидетелей, потерпевших, подсудимого.

В другом же процессе суд позволил выступить адвокату полностью, однако по окончании прений, в присутствии присяжных, объявил следующее замечание:

По итогам состоявшихся прений, реплик, председательствующий считает необходимым сделать замечание защитнику подсудимого в части его речи, касающейся оценки проведенного следственного действия 4 октября 2018 года с участием М., проверка показаний на месте с манекеном на улице. В части порядка проведения следственного действия. А также по мере пресечения в отношении подсудимого М. В данной части указанные сведения не исследовались в присутствии присяжных заседателей по данному уголовному делу. Присяжным заседателям просьба не принимать во внимание сказанное в этой части при принятии вердикта по данному уголовному делу.

Отличался также порядок проведения допросов. В одном случае судья специально акцентировал внимание на необходимости удаления присяжных из зала судебного заседания для оформления процессуальных вопросов:

Судья: В целях процессуального оформления ряда вопросов присяжных заседателей прошу пройти в комнату отдыха [...] [*присяжные выходят*].

Судья (обращаясь к вошедшему свидетелю): Здравствуйте, передайте, пожалуйста, паспорт секретарю судебного заседания [...]. Когда родились?

Свидетель: 13 ноября 1987 года.

Судья: Где?

Свидетель: Узбекистан, Ташкентская область, город Алмалык.

Судья: Семейное положение?

Свидетель: Замужем...

Судья: Так, Л., вы будете допрошены в качестве свидетеля по уголовному делу по ходатайству стороны защиты, в связи с чем я разъясняю вам объем ваших прав [...].

В трех других процессах данные о личности свидетелей выяснялись открыто при присяжных. Судьи не квалифицировали эту информацию как процессуальную и не считали, что она может оказать влияние на объективность коллегии присяжных. Такое различие в действиях показывает, что понятие «процессуальный вопрос» трактуется судами по-разному.

Помимо различного понимания процессуальных вопросов, сама процедура их обсуждения «вне слышимости присяжных» дополнительно отражает разнородность применения правил коммуникации: суды разным образом обеспечивают требование «вне слышимости». Уход присяжных из зала заседания только один из способов. При этом некоторые суды стараются минимизировать случаи удаления присяжных и разрешить²⁰ возможные вопросы заранее. Например, реплика судьи: «Еще процессуальные [вопросы] какие-то есть? Это я призываю просто к тому, что давайте к присяжным уважительно относиться, чтобы их туда-сюда не гонять, как говорится. А то сейчас они придут и выяснится, что опять что-то у нас».

В зависимости от ситуации, вместо того чтобы просить присяжных удалиться, суд и стороны могут обсудить процессуальные аспекты возле судейского стола:

Обвинитель: Ваша честь, вопрос процессуального характера. Возможно подойти или как?

Судья: Если коротко, подойти, если длительно, то будем удалять тогда присяжных.

Обвинитель: Я полагаю, коротко.

В другом случае была использована комбинация указанных элементов (например, обсуждение около стола плюс удаление присяжных):

Обвинитель: Уважаемый защитник, можно вас пригласить к столу председательствующего.

²⁰ Случается, что обсуждение юридических вопросов становится основной частью заседания. Например, в одном из дел из 40 минут процесса присяжные присутствовали в зале только 6 минут. В другом – не более 5 минут из 2 часов заседания.

Судья (после обсуждения у стола): Объявляется перерыв, присяжных заседателей прошу пройти в специально отведенное помещение. Вы будете приглашены.

В наблюдаемых заседаниях процессуальные вопросы чаще всего разрешались около судейского стола (16 раз из 36 ситуаций). Возникали случаи и открытого обсуждения при присяжных, хотя их было меньшинство (4 раза из 36 ситуаций). При этом факт совещания у стола не гарантирует недоведение юридической информации до присяжных, поскольку возникали ситуации, когда обсуждение начиналось открыто и только затем продолжалось у стола, либо наоборот – когда разговор около стола продолжался открытым обсуждением. И, кроме того, конструкции залов, акустика, расстояние между столом судьи и скамьей присяжных были таковы, что «профессиональное» общение возле стола становилось слышно и тем, кто не являлся юристами. Не раз было замечено, что присяжные намеренно прислушиваются к подобным обсуждениям и записывают услышанное или даже пытаются поделиться зафиксированным с другими заседателями.

Помимо разнородного действия особых правил, коммуникация при присяжных также характеризуется сохранением в ней юридической терминологии. Правовые понятия в концентрированном виде содержатся в напутственном слове судьи, произносимым перед уходом присяжных для принятия вердикта. Оно необходимо для разъяснения уголовного закона, правил и принципов оценки доказательств и других юридических вопросов. Потребность в подобном разъяснении связана с тем, что процесс с присяжными предполагает ориентацию в первую очередь на обывателей. Заседатели, являющиеся одновременно и гражданами, и судьями, становятся основными адресатами судебного перформанса как с позиции политического, так и юридического подходов, описанных Екатериной Моисеевой (2018).

Так, например, в двух процессах, прошедших к настоящему моменту прения, каждое напутственное слово включало следующее разъяснение:

Доказательства подлежат оценке в их совокупности. Сначала оценивается каждое доказательство с точки зрения достоверности, то есть правдивости, правильности тех обстоятельств, которое оно устанавливает. Затем все те доказательства, которые вы посчитаете достоверными, берутся вместе и оцениваются, достаточно ли их для того, чтобы признать те или иные факты. При этом никакие доказательства в отдельности не имеют заранее установленной силы, а подлежат анализу наряду с другими, сопоставлению, оценке во всей совокупности.

В одном процессе суд, произнося напутственное слово, непосредственно уточнил значение ряда правовых понятий:

Теперь я вам разъясню содержание уголовного закона в этой части. А. обвиняется в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 30 пунктами е, ж, части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно покушение на убийство, то есть умышленные действия лица, непо-

средственно направленные на умышленное причинение смерти другому человеку, совершенные общеопасным способом, группой лиц по предварительному сговору, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам. Также А. обвиняется в совершении двух преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 167 Уголовного кодекса Российской Федерации: умышленное повреждение чужого имущества общеопасным способом, повлекшее причинение значительного ущерба. Под умышленным убийством понимается умышленное, противоправное причинение смерти другому человеку. Под умышленным повреждением чужого имущества понимается причинение такого вреда вещи, которое существенно понижает ее хозяйственную ценность, но при этом вещь может быть пригодна к использованию [...].

Необходимость ориентации на присяжных также приводит к организации допроса эксперта таким образом, чтобы последний, отвечая, параллельно разъяснял используемые термины:

Обвинитель: Поясните, пожалуйста, с учетом выводов, которые Вы делали по результатам исследования: можно ли определить траекторию полета снаряда, которым были причинены повреждения? И хотелось бы сразу получить пояснения: в выводах эксперта фигурируют такие фразы, как «входное» и «выходное отверстие», «промежуточное повреждение», заодно и дать понятие на таком более доступном языке, что означают те или иные термины [...].

Эксперт: Снаряд был использован картечь. Картечь – это свинцовый шарообразный предмет. Насколько я помню, 7.15 были гильзы патронов картечь. Диаметр, ну, в данном случае это не суть важно. После встречи с преградой, множественный снаряд. Множественный – это значит в одном патроне такой столбик шарика содержится. Где-то от 12, примерно 12–14 штук, вот именно если это 7.15 [...].

Завершая эту часть, важно зафиксировать, что суды присяжных на районном уровне функционируют в отличных от обычного судопроизводства условиях коммуникации (наличие специфичных правил, неединообразность их применения, ориентированность коммуникации на лиц без юридического образования). О способах манипулирования этой коммуникацией будет сказано далее.

Что еще следует из обозначения суда присяжных именно как структурной сопряженности? Структурная сопряженность постоянно воздействует на аутопоietическую систему и окружающий мир, посредством такой сопряженности обеспечивает систему «возбуждениями», «раздражениями». Луман поясняет: «Я предпочитаю понятия “возбуждение”, “раздражение” или, если смотреть с точки зрения системы, “резонансная способность”. Структурные сопряженности активируют резонанс системы» ([2002] 2007:128–129). Под раздражением он понимает «событие внутри системы, хотя и вызванное окружающим миром. События в окружающем мире системы могут представлять аномалии, неожиданности, разочарования относительно тех ожиданий, которые возникли “из истории системы”» (Vaxter 2013:171). «Раздражения – это не изолированные события, но постоянный приток *неопределенности*, которая дестабилизирует систему путем постанов-

ки ее в когнитивную асимметрию с окружающим миром» (Philippopoulos-Mihalopoulos 2009:131).

Суд присяжных, являясь структурным сопряжением, обеспечивает систему контроля над преступностью «возбуждениями» и «раздражениями», вызывая ее эволюцию, а система в свою очередь, эволюционируя, отвечает на них рядом стратегий и тактик, устраняющих препятствия для продолжения операции «осуждение». Процесс эволюции заключается в создании и отборе средств, эффективных для сохранения и стабилизации системы, поскольку «наиболее важный признак эволюции заключается в поддержании внутренней цикличной структуры системы, не в ее способности адаптироваться к окружающему миру» (Teubner [1988] 1993:56).

Отсюда следует, что структурная сопряженность всегда совместима с аутопойесисом системы. Это означает, что суд присяжных не разрушает аутопойесис «осуждение», поскольку система контроля над преступностью находит возможности ответить на раздражения и переработать нарушения. С каждым витком эволюции система улучшает свою способность сохранять работу внутреннего цикла, несмотря на различные раздражения. Статистически пока этот теоретический тезис подтверждается, поскольку складывается тенденция, направленная на сокращение процента оправдательных приговоров, вынесенных в судах присяжных на районном уровне. Если на февраль 2019 года их доля составляла 25,7%, то на февраль 2020 года – 24,6%²¹. При этом 54,4% оправдательных приговоров, вынесенных за 2019 год, были отменены (Ходжаева 2020).

Поскольку, несмотря на сокращение, оправдательные приговоры по-прежнему составляют значительное количество по сравнению с предыдущими периодами «истории системы» (с 1960-х годов общая доля оправданий не поднималась выше 1%, см. Solomon 1987), то они являются раздражениями для нее. Для ответа на них и снижения шанса принятия коллегией присяжных оправдательного вердикта, система задействует следующие повторяющиеся стратегии.

Первая связана с адаптацией системы к особым правилам коммуникации, о которых речь шла выше²²: прекращение нежелательной и создание желательной коммуникации (стратегия манипулирования коммуникацией). В ее состав входит ряд тактик, встреченных нами в пяти процессах: 1) снятие вопроса, задаваемого стороной; 2) прерывание выступающего; 3) объявление предупреждения или за-

²¹ Колебания уровня оправдания в судах субъектов РФ, связанные с его резким подъемом, а затем с постепенным снижением, отмечал также Таман: «В 1997 году уровень оправдания вырос до 22,9%, но ВС РФ отменил 48,6% посредством апелляции. К 2003 году, когда суд присяжных стал распространяться на всю Россию, только 15% дел закончились оправданиями. 24% из них были отменены ВС РФ в противоположность только 5% отмен обвинительных приговоров» (Таман 2007b:407–408).

²² Необходимость этой адаптации объясняется тем, что коммуникация в судах присяжных становится в оппозицию эзотеричному языку права (Титаев и Шклярчук 2015). Это раздражает систему, поскольку ее операционная закрытость и аутопойесис поддерживаются в том числе за счет особого автономного языка.

мечания; 4) обращение к присяжным с просьбой не учитывать определенную информацию при принятии вердикта.

Указанные тактики могут применяться как по отдельности, так и в комбинации. Вот, например, случаи, когда разные тактики используются самостоятельно (цифры в скобках в последующих примерах указывают на примененную тактику из списка выше):

Защитник (допрашивая свидетеля): У вас была возможность обратиться в тот день в полицию?

Судья: Процессуальный вопрос. Снимается (1).

Защитник: Ваша честь, это не процессуальный вопрос.

Судья: Процессуальный вопрос. Снимается.

Еще один пример, когда в напутственном слове судья обращается к присяжным:

Председательствующий обращает ваше внимание, что все те сведения, которые были вами получены в ходе рассмотрения данного уголовного дела в части оценки чьих-либо показаний с чьей-либо стороны, как свидетелей, потерпевшей, подсудимого, порядка проведения следственных действий, в том числе давал ли М. показания с использованием полиграфа, характеризующие данные подсудимого и погибшей, не могут быть использованы вами при принятии вердикта по данному уголовному делу (4).

Пример комбинации может быть таким. После того, как в ходе своего допроса подсудимый назвал потерпевших пироманами, от судьи последовало следующее обращение:

Судья: Прервитесь (2), пожалуйста. Подсудимый, предупреждаю вас в очередной раз (3): недопустимо высказываться о личности потерпевших. Здесь понятно?

Подсудимый: Я ничего не сказал.

Судья: Вы ничего не сказали, назвав «пироманами» потерпевших. Это недопустимо, поэтому я вас предупреждаю о недопустимости таких высказываний. Присяжных заседателей при вынесении вердикта прошу не принимать во внимание сведения, которые были сообщены подсудимым, характеризующие потерпевшего (4).

В наблюдаемых процессах манипулирование коммуникацией наиболее часто встречалось в ситуациях допросов, прений и в последнем слове подсудимого (163 раза из 169). Напротив, при представлении присяжным других доказательств (протоколов осмотров, схем, фототаблиц, протоколов допросов, заключений экспертиз, вещественных доказательств) фиксировалось наименьшее количество актов реализации стратегии (6 раз). В основном все четыре тактики применялись по инициативе суда (132 раза из 169) и в отношении стороны защиты (139 раз), хотя были случаи их применения и в отношении обвинения (30 раз). Однако неприменение какой-либо тактики в конкретной ситуации также может само по себе

являться сознательным отсутствием реакции на нарушение правил коммуникации (тактика умолчания). Отсутствие реакции юридически квалифицируется как процессуальное нарушение и закладывает основания для отмены вышестоящей инстанцией оправдательного приговора по процедурным мотивам. В одном из наблюдаемых процессов защита неоднократно упоминала при присяжных факт того, что погибшая злоупотребляла спиртными напитками. В начале процесса обвинение реагировало на каждое подобное напоминание и просило судью прервать защитника. Судья прерывал. Однако в последующих заседаниях на подобные высказывания адвоката при присяжных обвинение перестало обращать внимание. В ходе бесед представитель обвинения прокомментировала эту ситуацию и рассказала, что на обучении по работе в судах присяжных ей был дан совет не реагировать постоянно на задавание недопустимых вопросов: про злоупотребление спиртными напитками, например. Достаточно будет двух-трех возражений. Далее, если судья не будет самостоятельно принимать мер, то не стоит вмешиваться, поскольку подобные нарушения послужат основанием для апелляционного представления, содержащего ссылки на несоблюдение процедуры со стороны защиты и со стороны судьи (в виде отсутствия надлежащего реагирования).

Помимо стратегии манипулирования коммуникацией распространена также стратегия возврата к судебному следствию после представления доказательств стороной защиты (рекурсия процесса). Суть ее заключается в том, что обвинение, исследовав свои доказательства, давало возможность стороне защиты представить свои. После завершения допроса подсудимого, которым защита заканчивала представление доказательств, обвинение заявляло, что имеются дополнения к судебному следствию и представляло новые доказательства, опровергая тем самым сказанное подсудимым. В ходе беседы судья пояснила, что сторона обвинения выбрала тактику, при которой доказательства представляет сначала сторона защиты, а потом обвинение «уже будет все изворачивать, как говорится, как мне выгодно». И далее добавила: «И тут получается психологический такой момент и ход. Именно на зрителей, на присяжных заседателей».

Указанная стратегия встретилась в трех процессах. В одном обвинение дополнило следствие допросом свидетеля и предоставлением заседателям распечаток текста аудиозаписи телефонных переговоров²³:

Судья: В прошлом судебном заседании закончила представлять доказательства сторона защиты. С учетом изложенного, имеются ли у сторон дополнения к судебному следствию. Сторона обвинения?

Обвинитель: Да, Ваша честь, имеются дополнения к судебному следствию. Нами обеспечена явка свидетеля А., в связи с чем ходатайствуем о его допросе. Также еще ходатайствуем о представлении присяжным заседателям протокола осмотра предметов от 8 октября 2018 года, том 7, лист дела 41-53, согласно которому с участием обвиняемого А. был осмотрен оптический диск, содержащий аудиозапись телефонных переговоров.

²³ В этом процессе все участники, включая судью, работали с присяжными во второй раз, поскольку первая коллегия была расформирована, а дело направлено на новое рассмотрение.

Второй процесс дополнили допросами фельдшера и эксперта²⁴:

Обвинитель: Ваша честь, сторона обвинения полагает возможным окончить судебное следствие. У нас ничего нового не появится.

Судья: Доказательств нет?

Обвинитель: Да.

Судья: Следующее заседание – прения сторон. К следующему судебному заседанию быть готовым к прениям, выступить перед присяжными. Подсудимый готов к последнему слову, сказать свою речь перед присяжными?

Подсудимый: Подготовимся, Ваша честь.

Однако на следующем заседании ситуация кардинально изменилась:

Судья: У участвующих лиц дополнения к судебному следствию, что-то еще, имеется?

Обвинитель: Да, Ваша честь, у стороны имеются дополнения. Сторона обвинения желала бы в данном судебном заседании допросить фельдшера скорой медицинской помощи относительно карты вызова скорой помощи, относительно содержания карты вызова скорой помощи, а также допросить эксперта К., который проводил первоначальное вскрытие трупа погибшей и последующие все судебно-медицинские экспертизы, с целью разъяснения выводов, которые были им сделаны в судебно-медицинских экспертизах, исследованных уже в ходе судебного следствия.

В третьем процессе рекурсия состояла в допросе свидетеля с демонстрацией ему ножей, изъятых с места происшествия²⁵:

Судья: Уточню, у защиты имеется что-то еще, доказательства? У защиты имеются доказательства?

Защитник: На настоящий момент, Ваша честь, нет. Я же вам пояснил уже.

Судья: Не имеются.

Защитник: Пока нет.

Судья: Если не имеется, приступаем к дополнению судебного следствия. У стороны обвинения имеется что-то еще?

Обвинитель: Да, Ваша честь. Обеспечена явка свидетеля. Прошу пригласить свидетеля. Свидетель А. Данные свидетеля на стадии предварительного расследования изменялись. В настоящем судебном заседании данный свидетель желает дать показания открыто.

²⁴ Здесь обвинитель участвовал в процессе с присяжными второй раз (его первое дело закончилось оправдательным вердиктом). Для судьи и защитника это был первый опыт работы с присяжными.

²⁵ В указанном кейсе судья и защитник работали с коллегией присяжных во второй раз. Обвинитель – как минимум во второй и, кроме того, специально проходил обучение по ведению дел с участием присяжных заседателей.

В последнем случае раздражение системы посредством судов присяжных усиливалось тем, что адвокат, сталкивавшийся с этой стратегией ранее, ожидал подобных действий от обвинителя и препятствовал им²⁶:

Защитник (возражая против предложения прокурора перейти к доказательствам защиты): Во-первых, прокурор предлагает в дальнейшем перейти к доказательствам стороны защиты. У нас в начале судебного заседания, насколько я помню, был определен порядок. Первой представляет сторона обвинения. Насколько я помню, об этом говорил прокурор. Он сказал, какие доказательства представит, потом представляет сторона защиты. Если у прокурора вообще нету больше доказательств со стороны обвинения, сторона защиты может представлять [...].

Стратегия рекурсии являлась одной из самых действенных в наблюдаемых процессах. Через механизм дополнения к судебному следствию обвинение представляло присяжным свои сильнейшие доказательства. Во всех трех кейсах обязательно присутствовал допрос лиц. Такой выбор соответствует классическому утверждению, что на присяжных наибольшее воздействие оказывает рассказ живого человека, чем абстрактная информация (Майерс 2002). В третьем случае это был рассказ «прямого» свидетеля, то есть того, который непосредственно наблюдал всю картину преступления (время борьбы, количество нанесенных ударов, области нанесения, использование именно ножа в качестве орудия убийства, лицо и одежду погибшего и подсудимого и т. п.).

Следующей по частоте использования является стратегия ускорения, или «акселерации процесса». Работая по одному из дел, адвокат объяснил ее так: чем быстрее прошел процесс, тем больше шансов, что обстоятельства дела сохранились в сознании присяжных и, соответственно, тем выше вероятность обвинительного вердикта. По словам же обвинителя, суд присяжных – это скорый суд, его нельзя долго рассматривать. «Надо в течение месяца. Но мы откладываемся на прения, на реплики. Срывается 17, 24. И потом длинные выходные, и они все забудут, и остается только в прениях все объяснять, потому что долго они воспринимать не могут, долгие речи не идут». Судья также обратила внимание на этот факт: «Присяжные еще могут забывать. Мы бы вообще хотели прогнать судебное следствие, но у нас судебные заседания были сорваны. Адвокат была задействована в другом суде. Мы хотели прогнать судебное заседание, чтобы у них было все свежо».

²⁶ Читатели могут возразить, что описанный здесь инцидент является просто противостоянием между защитником и обвинителем. Однако ответ на этот вопрос зависит от теоретического фокуса. Когда речь идет о раздражении, подразумевается воздействие такой структуры как «суд присяжных» на уголовно-процессуальную систему в целом (об этом, собственно, настоящая статья). Когда же говорится о противостоянии, акцент делается на взаимодействии конкретных акторов в индивидуальном юридическом эпизоде. Оба взгляда не отменяют друг друга, поскольку эволюция права основана на обучении и установлении принципов отбора, выходящих за границы локального эпизода, то есть на переплетении таких эпизодов (Teubner [1988] 1993).

Непосредственно в самих процессах встречаются следующие тактики, связанные с этой стратегией: согласование плотного графика заседаний; указание судьей защите на затягивание процесса; отказ обвинения от допроса собственных свидетелей/потерпевших, систематически пропускающих заседания; замена присяжного заседателя, не являющегося более одного раза, или замена заболевшего присяжного на другого в ситуации, когда дело находится уже на этапе судебных прений; проведение судебного процесса до отъезда старшины коллегии в отпуск.

Можно привести четыре характерных сюжета коммуникации, возникших в ходе наблюдений.

Заканчивая судебное заседание, суд обратился к присяжным: «10-го и 13-го также в десять. Чем чаще мы будем встречаться, тем свежее у вас в памяти будут те обстоятельства, о которых вы здесь слышите».

Следующий сюжет появился при обсуждении графика заседаний²⁷:

Обвинитель: Мне кажется или кто-то из присяжных собирался куда-то в отпуск уезжать.

Старшина: В конце февраля.

Обвинитель: В конце февраля, да.

Старшина: 24-го.

Обвинитель: Вот, кровь из носу нам нужно до конца февраля закончить.

В третьем случае²⁸ обвинитель таким образом отреагировал на просьбу защиты о предоставлении времени для обоснования позиции:

Судья: Да я вот пытаюсь уточнить мнение адвокатов. Мне непонятно, какие претензии к этому протоколу конкретно. Поддерживаете, не поддерживаете?

Защитник: Ваша честь, буквально минуты 5–3 перерыв.

Обвинитель: Ваша честь, я полагаю, мы в данном судебном заседании откладывались только ради того, чтобы сторона защита ознакомилась с данными доказательствами. И в настоящее время прошло процесса, извините меня, 15 минут. И заявляют об отложении опять у нас.

В другом процессе²⁹ при разрешении вопроса о переносе судебного заседания по причине болезни присяжного, обвинитель сказал:

²⁷ В анализируемом деле судья впервые председательствовала в процессе с присяжными, в то время как обвинитель уже имела опыт работы с заседателями и потому фактически руководила этим процессом.

²⁸ Судья, обвинители и защитники работали здесь с присяжными в первый раз. Обвинителей было двое, защитников – трое. Прокуратура субъекта предлагала обвинению помощь в виде участия в процессе опытного в делах с присяжными прокурора, но обвинители отказались. Защитникам, в свою очередь, помогал консультант по работе с присяжными заседателями.

²⁹ Обвинитель до этого заседания уже участвовал в процессах с присяжными, а также проходил курсы повышения квалификации для работников прокуратуры по взаимодействию с присяжными.

Так как у нас имеются вообще-то два запасных присяжных заседателя. В связи с тем, что один из присяжных заседателей с коллегии не явился сегодня по уважительной причине. Тем не менее, у нас статья 329 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает в таком случае, предусматривает замену присяжного заседателя. Учитывая стадию судебного разбирательства, в настоящее время у нас уже запланированы прения сторон, то есть на сегодня запланированы прения стороны защиты, я полагаю, что необходимо провести замену неявившегося присяжного заседателя из числа запасных, согласно списку.

Стремление акселерировать процессы с присяжными соответствует тому, что для модели контроля над преступностью особенно важно количество времени (скорость аутопойесиса), затраченное на осуждение лица. Верно пишет Моисеева: «Одно из основных организационных правил суда – завершить слушание по делу как можно быстрее» (2014:89). Но фактически суд присяжных в силу различных факторов (сроки формирования коллегии, усложненная процедура производства, проблемы с явкой присяжных) не является быстрым³⁰. Отсюда у системы, привыкшей обрабатывать большие потоки дел, возникает стремление его ускорить. Система оценивает свою эффективность, в том числе и на основе скорости разрешения дел.

Здесь важно сказать, что социология Лумана не содержит понятия «скорость аутопойесиса», определяемого как количество операций, совершаемых системой за единицу времени. Этот концепт возник в ходе настоящего исследования и может быть понят как развитие идей Лумана, поскольку позволяет схватить важную сторону работы уголовно-процессуальной системы, связанную с ее эффективностью и при детальной разработке ввести в теорию дополнительные различия «внутреннего/внешнего времени системы».

Помимо перечисленных стратегий, есть еще одна – самообучение системы (Луман [1997] 2004). Поскольку проводимая реформа находится только на начальном этапе, имеющиеся процессы используются системой для рефлексии, обнаружения и устранения ошибок в собственной работе. Наблюдение за рассмотрением дел в такой период, особенно за теми, где процесс по тем или иным причинам (ропуск коллегии присяжных, отмена оправдательного приговора и отправление дела на новое рассмотрение) проводится более одного раза, дает возможность буквально проследить эволюцию системы: понять, какие программы начинают реализовываться или прекращаться для устранения препятствий аутопойесису.

Для развития идеи самообучения полезен следующий кейс. По версии обвинения, подсудимый с целью убийства расстрелял автомобиль с находившимся в нем потерпевшим. Поскольку последний не пострадал, подсудимому вменялось покушение на убийство (ч. 3 ст. 30, п. е, ж, ч. 2 ст. 105 УК РФ) и умышленное по-

³⁰ На замедление скорости судопроизводства обращали внимание также судебные секретари в Испании, у них расспрашивали об особенностях работы с присяжными (Jimeno-Bulnes and Hans 2016).

вреждение чужого имущества (ч. 2 ст. 167 УК РФ). Позиция подсудимого (он не отрицал факт выстрелов) заключалась в том, что умысла на убийство у него не было – только на повреждение имущества. Мотивом его действий был поступок потерпевшего – тот сжег автомобиль супруги обвиняемого.

Дело рассматривалось присяжными дважды. По словам адвоката, в первом процессе существовала высокая вероятность оправдательного вердикта. В коллегии оказался человек, профессионально занимающийся стрельбой из огнестрельного оружия, который задавал в ходе допросов содержательные и точные вопросы. После речи адвоката в прениях коллегия была на стороне защиты. Но в день ухода присяжных на совещание для принятия вердикта не пришел один из заседателей (запасных к тому моменту уже не осталось). В связи с отсутствием нужного количества присяжных процесс продолжать было нельзя. Коллегию расформировали, а дело направили на новое рассмотрение с прежним судьей, обвинителем, но уже с другим составом присяжных.

В плане описываемой стратегии этот случай интересен тем, что во втором процессе поведение суда изменилось. Адвокат и подсудимый отметили ряд запретов, которых не было ранее. Так, обращаясь ко всем участникам, судья сказал: «Вы в прениях не вправе приводить данные о личности подсудимого [...], равно вам запрещено для наглядности демонстрировать какие-либо схемы, планы, протоколы осмотра места происшествия, вещественные доказательства, поскольку это может оказать воздействие на коллегия присяжных заседателей». На вопрос защитника о том, можно ли ему в прениях демонстрировать фотоматериалы, которые уже демонстрировались в ходе разбирательства, судья ответил отказом. В то время как в первом процессе защите это позволялось. Далее судья сделал следующее замечание:

Судья (обращаясь отдельно к защите): Стороны, ориентирую вас на то, что будут проводиться прения. Я никоим образом не хочу препятствовать кому-либо в реализации права на защиту. Вы должны были заметить это в ходе судебного заседания. Тем не менее, когда вы будете готовиться к своим прениям, пожалуйста, подредактируйте их немножко. Есть ряд очень таких вопросов, которые, ну, не должны звучать. Чтобы это выглядело не так, чтобы вас прерывать, как подсудимый сегодня переволновался, может, еще какая-то ситуация. Чтобы это выглядело нормально, чтобы ваша речь была слитной и цельной, а не из обрывов. Речь, ну, я имею в виду обороты, какие-то ссылки, на какие-то, вот, исторические факты и тому подобное, постарайтесь исключить и добавить больше анализа доказательств. Я не с той точки зрения, чтобы как-то ограничить вас в реализации права. Да, Верховный суд высказался, что защитник может эмоционально выступать, критиковать по поводу объективности, но это не исключает общих принципов, где написано, что вы должны придерживаться вот этих вот моментов: сугубо анализа доказательств. Если у вас прения остались стороны обвинения – ну оно было более-менее похоже на то, как должно быть. Я вас ориентирую, чтобы у вас все было подготовлено.

Самообучение здесь состояло в том, что в предыдущем процессе адвокату не было запрещено выступать эмоционально. Изменение судом стиля ведения процесса и усиление ограничений отразилось в таком диалоге:

Судья: Подсудимый, сегодня видели, сколько замечаний вам было. Это не по моей прихоти и не потому, что я здесь к кому-то по-другому отношусь: к кому-то хорошо, к кому-то плохо. Это требование закона. Поэтому, когда вы будете в прениях своих выступать, я вам еще раз напомню. Вы, пожалуйста, когда будете выступать в прениях и в последнем слове, постарайтесь не воспроизводить то, что мы услышали сегодня в судебном заседании, чтобы опять-таки ваша речь была единой и не была прерванной и не был потерян смысл. Понятно?

Подсудимый: Да, понятно, Ваша честь, что-то мне все равно сегодня показалось, что я гораздо меньше и так сказал, чем в прошлый раз, если так откровенно быть честным. С каждым разом какие-то рамки все больше и больше.

Судья: Гарантом закона выступаю здесь я, понимаете, написано в уголовно-процессуальном кодексе, в этом суде дело с присяжными первое. Поэтому как бы вот так вот сегодня.

Во второй раз процесс закончился обвинительным вердиктом.

В другом деле, направленном на новое рассмотрение после отмены оправдательного приговора, рефлексия системы и самообучение касались изменения тактики использования «залегендированных» (иначе говоря, тайных) свидетелей. Обвинителю, работавшему при первом рассмотрении, старшие коллеги объяснили, что допрашивать тайных свидетелей в суде присяжных нельзя и что именно это скорее всего стало причиной оправдательного вердикта. Соответственно, во втором процессе свидетельница, являвшаяся тайной, давала уже лично перед присяжными свои показания:

Судья: Уточню, у защиты еще имеется что-то еще, доказательства? У защиты имеются доказательства?

Защитник: На настоящий момент, Ваша честь, нет. Я же вам пояснил уже.

Судья: Не имеются.

Защитник: Пока нет.

Судья: Если не имеется, приступаем к дополнению судебного следствия. У стороны обвинения имеется что-то еще?

Обвинитель: Да, Ваша честь. Обеспечена явка свидетеля. Прошу пригласить свидетеля. Свидетель А. Данные свидетеля на стадии предварительного расследования изменялись. В настоящем судебном заседании данный свидетель желает дать показания открыто.

Данный коммуникативный сюжет содержит одновременное использование системой двух стратегий (самообучения и рекурсии), поскольку, как говорилось выше, обвинение заявило о необходимости допроса этого свидетеля после окончания представления доказательств стороной защиты.

Говоря про обучение, стоит проанализировать процесс распространения опыта в системе. Здесь на первый план выходит роль рефлексивных инстанций:

суд субъекта РФ, Верховный суд РФ, прокуратура субъекта РФ, Генеральная прокуратура РФ. Так, суд субъекта может транслировать определенные тактики действия системы в условиях производства с присяжными на уровень районных судов.

В ходе одной из бесед адвокат пояснил, что вопросный лист для присяжных судьи обязательно согласовывают с судом субъекта, который все контролирует. Суд субъекта сейчас «спустил установку» не давать защите много времени на подготовку к прениям, поскольку в случае если будет большой перерыв между прениями обвинения (которое выступает первым) и защиты, присяжные забудут речь обвинителя и последнее впечатление на коллегия будет произведено именно защитой. С тем, что защите было предоставлено две недели на подготовку и со случившимся вследствие этого эффектом забывания, адвокат и связывает принятие коллегией оправдательного вердикта по делу, над которым он работал ранее (то есть до начала настоящего исследования).

Кроме того, в ходе беседы с судьей выяснилось, что суд субъекта требует назначать по делам с присяжными, где был постановлен обвинительный приговор, максимально суровое наказание. По мнению судьи, это обусловлено желанием искоренить суд присяжных. Подобное в ходе беседы сообщил и адвокат: существует установка суда субъекта и Верховного суда РФ назначать, в случае выбора присяжных, наказание «по максимуму». Делается это специально, чтобы подавить институт. В ходе разговора с работниками прокуратуры эта информация также подтвердилась: вышестоящие коллеги говорят, что «за присяжных надо наказывать», поскольку это дорогая процедура, включающая расходы на сбор и содержание коллегии, и если присяжные не оправдали, то наказание должно быть максимальным³¹.

Помимо перечисленных повторяющихся стратегий, встретились также и иные, наличие которых было выявлено только в одном процессе – тем не менее, такие единичные стратегии облегчают системное самовоспроизводство. Ограниченный объем статьи позволяет лишь назвать их: использование обвинением потерпевших для оказания эмоционального воздействия на присяжных (по просьбе обвинения потерпевшая задавала недопустимые в суде присяжных вопросы; выступление потерпевшей в прениях), помощь со стороны суда обвинению в представлении доказательств присяжным (советы по организации демонстрации фотографий; предложения по допросу потерпевшего по определенным обстоятельствам; помощь в формулировке вопроса, который хотела задать потерпевшая; предоставление свидетелю возможности ознакомиться с его показаниям пятнадцатилетней давности).

³¹ Предварительно можно сделать следующий вывод: посредством назначения максимального наказания в случае обвинительного вердикта система «нейтрализует источник раздражения», что также является по Луману одной из стратегий ответа. Противоположная – «использование источника раздражения» (Луман [1997] 2004:63). В случае успешного контроля системой уровня оправданий и возникновения легитимизирующего эффекта от расширения суда присяжных, можно говорить о реализации уже этой программы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская система контроля над преступностью – постоянно развивающийся объект. В исследовании сделана попытка описать его эволюцию в условиях текущей реформы присяжных. Это предприятие было бы трудно осуществить без использования абстрактных, на первый взгляд, схем Лумана. Его теория подходящим образом выстраивается вокруг эволюционности социальных систем и концептов для ее отслеживания: структурное сопряжение, раздражение, резонанс системы. Лумановская оптика позволила показать, как происходит эволюция аутопойетических систем. Их эволюционные сдвиги ориентированы в первую очередь на улучшение механизмов стабилизации и поддержания аутопойесиса. Именно таким образом эволюционирует сейчас российская уголовно-процессуальная система.

В исследовании предложено новое понимание суда присяжных как структурного сопряжения между процессуальной и политической системами. Его расширение до районного уровня действительно дестабилизирует первую. Основные раздражения создаются повышенным шансом вынесения оправдательного приговора и разнородным действием правил коммуникации, отличных от обычного порядка судопроизводства. Система в свою очередь отвечает на эти раздражения при помощи ряда стратегий. Прекращение нежелательной и создание желательной коммуникации (манипулирование коммуникацией); возврат к судебному следствию после представления доказательств стороной защиты (стратегия рекурсии процесса); «акселерация процесса»; «самообучение» системы – повторяющиеся способы ответов. Использование обвинением потерпевших для оказания эмоционального воздействия на присяжных; помощь со стороны суда обвинению в представлении доказательств присяжным – разовые, то есть обнаруженные в ходе только одного процесса.

Помимо описания раздражения и стратегий ответов, исследование показало возможность дополнения теории Лумана понятием «скорость аутопойесиса». Его можно определить как количество операций, совершаемых системой за единицу времени. Изначально лумановские построения не содержали этого концепта, однако его использование схватывает важную характеристику российской уголовно-процессуальной системы: ее упор на скорость рассмотрения дел, которая неотъемлемо связывается с эффективностью. Последняя оценивается через соотношение между количеством обвинительных и оправдательных приговоров, вынесенных за единицу времени. Чем выше процент обвинительных и ниже оправдательных приговоров, тем эффективнее в глазах рефлекслирующих юнитов (Верховного суда РФ, например) работает система. Такие механизмы оценки обуславливают применение стратегий предотвращения оправдательных приговоров, выявленных в ходе исследования.

В целом триггеры эволюции могут быть различны. Несколько лет назад это было расширение особого порядка судебного разбирательства, сегодня – суда присяжных. В будущем систему ожидает еще не одно изменение, которое, как предполагается, также может быть отслежено через теоретическую рамку, разработанную здесь для анализа реформы присяжных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бьюкенен, Джеймс и Гордон Таллок. [1962] 1997. *Расчет согласия: логические основания конституционной демократии*. М.: Таурус Альфа.
- Головкин, Леонид. 2017. «Современная уголовно-процессуальная политика». С. 55–60 в *Курс уголовного процесса*, под ред. Леонида Головкина. М.: Статут.
- Дуглас, Мэри. [1986] 2012. «Как мыслят институты». *Социология власти* 4–5(1):188–217.
- Луман, Никлас. [1997] 2004. *Общество как социальная система*. М.: Логос.
- Луман, Никлас. [2002] 2007. *Введение в системную теорию*. М.: Логос.
- Майерс, Дэвид. 2002. *Социальная психология*. СПб.: Прайм-Еврознак.
- Масловская, Елена. 2012. «Проблема институционализации суда присяжных в постсоветской России». С. 177–198 в *Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права*, под ред. Вадима Волкова. М.: Статут.
- Моисеева, Екатерина. 2014. «Рабочие группы в судах Санкт-Петербурга». *Журнал социологии и социальной антропологии* 17(4):86–100.
- Моисеева, Екатерина. 2018. «Встать, суд идет! Судебный процесс как объект социологического анализа». *Laboratorium: журнал социальных исследований* 10(1):29–50. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2018-10-1-29-50>.
- Панеях, Элла, Михаил Поздняков, Кирилл Титаев, Ирина Четверикова и Мария Шклярук. 2012. *Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования*. СПб.: ИПП ЕУ СПб.
- Панеях, Элла, Кирилл Титаев и Мария Шклярук. 2018. *Траектория уголовного дела: институциональный анализ*. СПб.: ЕУ СПб.
- Поздняков, Михаил. 2012. «Смысл и двусмысленность обвинительного уклона» С. 54–106 в *Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права*, под ред. Вадима Волкова. М.: Статут.
- Стойко, Николай. 2006. *Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем*. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та; Издательство юридического факультета СПбГУ.
- Титаев, Кирилл и Мария Шклярук. 2015. «“Языком протокола”: исследование связи юридического языка с профессиональной повседневностью и организационным контекстом». *Социология власти* 27(2):168–206.
- Филиппов, Александр. 2003. «Теория систем: аутопойесис продолжается». *Социологическое обозрение* 3(1):50–58.
- Ходжаева, Екатерина. 2020. *Суды с участием присяжных в 2018–2019 годах. Статистическая справка*. СПб.: ЕУ СПб. https://enforce.spb.ru/images/Products/Other_Publications/spravka-sudy-s-uchastiem-prisyazhnykh-v-2018-2019-godakh.pdf.
- Baxter, Hugh. 2013. “Niklas Luhmann’s Theory of Autopoietic Legal Systems.” *Annual Review of Law and Social Science* 9(167). https://scholarship.law.bu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1139&context=faculty_scholarship.
- Bornstein, Brian H., and Edie Greene. 2011. “Jury Decision Making: Implications for and from Psychology.” *Current Directions in Psychological Science* 20(1):63–67. <https://doi.org/10.1177/0963721410397282>.
- Corey, Zachary, and Valerie P. Hans. 2010. “Japan’s New Lay Judge System: Deliberative Democracy in Action?” *Cornell Law Faculty Publications* 636. <https://scholarship.law.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2081&context=facpub>.
- Duff, Peter, and Mark Findlay. 1997. “Jury Reform: Of Myths and Moral Panics.” *International Journal of the Sociology of Law* 25(4):363–384. <https://doi.org/10.1006/ijsl.1997.0049>.
- Goldbach, Toby S., and Valerie P. Hans. 2014. “Juries, Lay Judges, and Trials.” *Cornell Law Faculty Working Papers* 122. https://scholarship.law.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1125&context=clsops_papers.

- Griffiths, John. 1970. "Ideology in Criminal Procedure or a Third 'Model' of the Criminal Process." *Yale Law Journal* 79(3). <https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=6004&context=yjl>.
- Ivković, Sanja K. 2015. "Ears of the Deaf: The Theory and Reality of Lay Judges in Mixed Tribunals." *Chicago-Kent Law Review* 90(3). <https://scholarship.kentlaw.iit.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4092&context=cklawreview>.
- Jimeno-Bulnes, Mar, and Valerie P. Hans. 2016. "Legal Interpreter for the Jury: The Role of the Clerk of the Court in Spain." *Oñati Socio-Legal Series* 6(2). <http://ssrn.com/abstract=2784185>.
- Packer, Herbert L. 1964. "Two Models of the Criminal Process." *University of Pennsylvania Law Review* 113(1). https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=6428&context=penn_law_review.
- Packer, Herbert L. 1968. *The Limits of the Criminal Sanction*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Paneyakh, Ella. 2016. "The Practical Logic of Judicial Decision Making." *Russian Politics & Law* 5(2–3):138–163. <http://dx.doi.org/10.1080/10611940.2016.1176843>.
- Philippopoulos-Mihalopoulos, Andreas. 2009. *Niklas Luhmann: Law, Justice, Society*. New York: Routledge.
- Sherrod, Drury R. 2019. *The Jury Crisis: What's Wrong with Jury Trials and How We Can Save Them*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Smith, Christopher E. 1994. "Imagery, Politics, and Jury Reform." *Akron Law Review* 28. <https://www.uakron.edu/dotAsset/c7d3258c-0cca-43e3-bb52-070c76efab8a.pdf>.
- Solomon, Peter H. 1987. "The Case of the Vanishing Acquittal: Informal Norms and the Practice of Soviet Criminal Justice." *Soviet Studies* 39(4):531–555. <https://doi.org/10.1080/09668138708411718>.
- Terrill, Richard J. 2016. *World Criminal Justice Systems*. New York: Routledge.
- Tezuka, Akira. 2017. "The Lay Judge System Is Actually Incompatible with the Essence of Justice!?" Meiji.net, July 18. https://www.meiji.ac.jp/cip/english/research/opinion/Akira_Tezuka.html.
- Teubner, Gunther. [1988] 1993. *Law as an Autopoietic System*. Oxford: Blackwell.
- Thaman, Stephen C. 1995. "The Resurrection of Trial by Jury in Russia." *Stanford Journal of International Law* 31(6). https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2573899.
- Thaman, Stephen C. 2007a. "The Good, the Bad, or the Indifferent: 12 Angry Men in Russia." *Chicago-Kent Law Review* 82(2). https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2646795.
- Thaman, Stephen C. 2007b. "The Nullification of the Russian Jury: Lessons for Jury-Inspired Reform in Eurasia and Beyond." *Cornell International Law Journal* 40(2). <http://scholarship.law.cornell.edu/cilj/vol40/iss2/3>.
- Vogler, Richard. [2005] 2006. *A World View of Criminal Justice*. Burlington, UK: Ashgate.
- Weisberg, Robert. 2005. "The Death Penalty Meets Social Science: Deterrence and Jury Behavior under New Scrutiny." *Annual Review of Law and Social Science* 1(1):151–170. <https://doi.org/10.1146/annurev.lawsocsci.1.051804.082336>.

ИСТОЧНИКИ

- Государственная дума РФ. 2016. Пояснительная записка к законопроекту «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей». <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1016453-6>.
- Государственная дума РФ. 2020. Законопроект № 706820-7 «О внесении изменений в статьи 12 и 17 Федерального закона «О полиции» (в части предоставления информации о кандидатах в присяжные заседатели)». <https://sozd.duma.gov.ru/bill/706820-7>.
- РАНХиГС. 2017. «Итоги соцопроса РАНХиГС: россияне стали меньше верить государственным институтам.» 29 марта. https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/itogi-socoprosta-ranhigs-rossiyane-stali-menshe-verit-gosudarstvennym-institutam/index.php?option=com_zoo&view=item&layout=item&Itemid=4224.

Судебный департамент при Верховном суде РФ. 2019. «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения). Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год». <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>.

Судебный департамент при Верховном суде РФ. 2020. «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения). Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год; Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2019 год». <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

STRATEGIES OF PREVENTING JURIES FROM ACQUITTING AT THE DISTRICT COURT LEVEL: JURY REFORM IN RUSSIA AND LUHMANN'S SYSTEM THEORY

Konstantin Skoblik

Konstantin Skoblik, Khoroshev & Partners Law Firm (Krasnoyarsk, Russia). Address for correspondence: prospekt im. gazety "Krasnoyarskii Rabochii," 187, 18, Krasnoyarsk, 660093, Russia. skoblik.konstantin@gmail.com.

The crime control model has been operating in Russia since the 1960s. The well-oiled machine of criminal justice based on this model had been producing the 99.8 percent conviction rate until the jury system reform began in 2018. This reform aimed to legitimize criminal justice by introducing jury trials to district courts. In the first two years of the reform, newly introduced jury trials produced acquittal rate of close to 25 percent, which is more than 100 times higher than the previously common acquittal rate of 0.2 percent. It is clear that jury trials are destabilizing the Russian criminal justice system instead of legitimizing it.

Preliminary results of the study on which this article is based show that an evolution of the crime control model is underway in Russia. The criminal justice system deploys various strategies to decrease chances of acquittal in jury trials. Among the frequently recurring ones are manipulation in communication, trial "recursion," trial acceleration, and system's learning. Additional strategies, observed more infrequently, include the prosecution using victims to persuade jurors (when victims ask inadmissible questions during examination or give an emotional speech in front of the jury) and the court's assistance to prosecutors in presenting evidence (giving advice on how to present photographic evidence effectively or how to conduct an examination). All these practices allow the system to control the acquittal rate and stabilize itself.

The theoretical frame of the study is based on Niklas Luhmann's autopoiesis theory (irritations, system's capacity for irritability, coevolution). Because of the autopoiesis-based approach, I conceptualize the jury trial as a structural coupling between the crime control model and political system. This type of trial appears to be a source of system irritations that lead to its evolution. Methodologically, the study is based on observations of jury trials and defense lawyers' working groups.

Keywords: Crime Control Model; Jury Reform in Russia; Jury Trials in District Courts; Autopoiesis; Criminal Justice System; Acquittal; System's Capacity for Irritability

REFERENCES

- Baxter, Hugh. 2013. "Niklas Luhmann's Theory of Autopoietic Legal Systems." *Annual Review of Law and Social Science* 9(167). https://scholarship.law.bu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1139&context=faculty_scholarship.
- Bornstein, Brian H., and Edie Greene. 2011. "Jury Decision Making: Implications for and from Psychology." *Current Directions in Psychological Science* 20(1):63–67. <https://doi.org/10.1177/0963721410397282>.
- Buchanan, James M., and Tullock Gordon. [1962] 1997. *Raschet soglasiia: Logicheskie osnovaniia konstitutsionnoi demokratii*. Moscow: Taurus Al'fa.
- Corey, Zachary, and Valerie P. Hans. 2010. "Japan's New Lay Judge System: Deliberative Democracy in Action?" Cornell Law Faculty Publications 636. <https://scholarship.law.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2081&context=facpub>.
- Douglas, Mary. [1986] 2012. "Kak mysliat instituty." *Sotsiologiya vlasti* 4–5(1):188–217.
- Duff, Peter, and Mark Findlay. 1997. "Jury Reform: Of Myths and Moral Panics." *International Journal of the Sociology of Law* 25(4):363–384. <https://doi.org/10.1006/ijsl.1997.0049>.
- Filippov, Alexander. 2003. "Teoriia sistem: Autopoiesis prodolzhaetsia." *Sotsiologicheskoe obozrenie* 3(1):50–58.
- Goldbach, Toby S., and Valerie P. Hans. 2014. "Juries, Lay Judges, and Trials." Cornell Law Faculty Working Papers 122. https://scholarship.law.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1125&context=clsops_papers.
- Golovko, Leonid. 2017. "Sovremennaia ugolovno-protsessual'naia politika." Pp. 55–60 in *Kurs ugolovnogo protsesssa*, ed. by Leonid Golovko. Moscow: Statut.
- Griffiths, John. 1970. "Ideology in Criminal Procedure or a Third 'Model' of the Criminal Process." *Yale Law Journal* 79(3). <https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=6004&context=yjlj>.
- Ivković, Sanja K. 2015. "Ears of the Deaf: The Theory and Reality of Lay Judges in Mixed Tribunals." *Chicago-Kent Law Review* 90(3). <https://scholarship.kentlaw.iit.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4092&context=cklawreview>.
- Jimeno-Bulnes, Mar, and Valerie P. Hans. 2016. "Legal Interpreter for the Jury: The Role of the Clerk of the Court in Spain." *Oñati Socio-Legal Series* 6(2). <http://ssrn.com/abstract=2784185>.
- Khodzhaeva, Ekaterina. 2020. *Sudy s uchastiem prisiyazhnykh v 2018–2019 godakh. Statisticheskaia spravka*. Saint Petersburg, Russia: European University at St. Petersburg. https://enforce.spb.ru/images/Products/Other_Publications/spravka-sudy-s-uchastiem-prisyazhnykh-v-2018-2019-godakh.pdf.
- Luhmann, Niklas. [1997] 2004. *Obshchestvo kak sotsial'naia sistema*. Moscow: Logos.
- Luhmann, Niklas. [2002] 2007. *Vvedenie v sistemnuiu teoriyu*. Moscow: Logos.
- Maslovskaya, Elena. 2012. "Problema institutsionalizatsii suda prisiyazhnykh v postsovetsoi Ros-sii." Pp. 177–199 in *Kak sud'i prinimaiut resheniia: Empiricheskie issledovaniia prava*, ed. by Vadim Volkov. Moscow: Statut.
- Moiseeva, Ekaterina. 2014. "Rabochie gruppy v sudakh Sankt-Peterburga." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 17(4):86–100.
- Moiseeva, Ekaterina. 2018. "Vstat', sud idet! Sudebnyi protsess kak ob'ekt sotsiologicheskogo analiza." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 10(1):29–50. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2018-10-1-29-50>.
- Myers, David. 2002. *Sotsial'naia psikhologiya*. Saint Petersburg, Russia: Praim-Evroznak.
- Packer, Herbert L. 1964. "Two Models of the Criminal Process." *University of Pennsylvania Law Review* 113(1). https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=6428&context=penn_law_review.
- Packer, Herbert L. 1968. *The Limits of the Criminal Sanction*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Paneyakh, Ella. 2016. "The Practical Logic of Judicial Decision Making." *Russian Politics & Law* 5(2–3):138–163. <http://dx.doi.org/10.1080/10611940.2016.1176843>.

- Paneyakh, Ella, Mikhail Pozdniakov, Kirill Titaev, Irina Chetverikova, and Mariia Shkliaruk. 2012. *Pravookhranitel'naia deiatel'nost' v Rossii: Struktura, funkcionirovanie, puti reformirovaniia*. Saint Petersburg, Russia: IPP, European University at St. Petersburg.
- Paneyakh, Ella, Kirill Titaev, and Mariia Shkliaruk. 2018. *Traektorii ugolovnogo dela: Institucional'nyi analiz*. Saint Petersburg, Russia: IPP, European University at St. Petersburg.
- Philippopoulos-Mihalopoulos, Andreas. 2009. *Niklas Luhmann: Law, Justice, Society*. New York: Routledge.
- Pozdniakov, Mikhail. 2012. "Smysl i dvusmyslennost' obvinitel'nogo uklona." Pp. 54–107 in *Kak sud'i primimaiut resheniia: Empiricheskie issledovaniia prava*, ed. by Vadim Volkov. Moscow: Statut.
- Sherrod, Drury R. 2019. *The Jury Crisis: What's Wrong with Jury Trials and How We Can Save Them*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Smith, Christopher E. 1994. "Imagery, Politics, and Jury Reform." *Akron Law Review* 28. <https://www.uakron.edu/dotAsset/c7d3258c-0cca-43e3-bb52-070c76efab8a.pdf>.
- Solomon, Peter H. 1987. "The Case of the Vanishing Acquittal: Informal Norms and the Practice of Soviet Criminal Justice." *Soviet Studies* 39(4):531–555. <https://doi.org/10.1080/09668138708411718>.
- Stoiko, Nikolai. 2006. *Ugolovnyi protsess zapadnykh gosudarstv i Rossii: Sravnitel'noe teoretiko-pravovoe issledovanie anglo-amerikanskoi i romano-germanskoj pravovykh sistem*. Saint Petersburg, Russia: European University at St. Petersburg; Saint Petersburg University.
- Terrill, Richard J. 2016. *World Criminal Justice Systems*. New York: Routledge.
- Tezuka, Akira. 2017. "The Lay Judge System Is Actually Incompatible with the Essence of Justice!?" *Meiji.net*, July 18. https://www.meiji.ac.jp/cip/english/research/opinion/Akira_Tezuka.html.
- Teubner, Gunther. [1988] 1993. *Law as an Autopoietic System*. Oxford: Blackwell.
- Thaman, Stephen C. 1995. "The Resurrection of Trial by Jury in Russia." *Stanford Journal of International Law* 31(6). https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2573899.
- Thaman, Stephen C. 2007a. "The Good, the Bad, or the Indifferent: 12 Angry Men in Russia." *Chicago-Kent Law Review* 82(2). https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2646795.
- Thaman, Stephen C. 2007b. "The Nullification of the Russian Jury: Lessons for Jury-Inspired Reform in Eurasia and Beyond." *Cornell International Law Journal* 40(2). <http://scholarship.law.cornell.edu/cilj/vol40/iss2/3>.
- Titaev, Kirill, and Mariia Shkliaruk. 2015. "'Iazykom protokola': Issledovanie sviazi iuridicheskogo iazyka s professional'noi povsednevnost'iu i organizatsionnym kontekstom." *Sotsiologiya vlasti* 27(2):168–206.
- Vogler, Richard. [2005] 2006. *A World View of Criminal Justice*. Burlington, UK: Ashgate.
- Weisberg, Robert. 2005. "The Death Penalty Meets Social Science: Deterrence and Jury Behavior under New Scrutiny." *Annual Review of Law and Social Science* 1(1):151–170. <https://doi.org/10.1146/annurev.lawsocsci.1.051804.082336>.